

В. И. Суслов^{а)}, Г. Д. Ковалева^{б)}

^{а)} Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
г. Новосибирск, Российская Федерация

^{б)} Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация

^{а)} <https://orcid.org/0000-0001-7972-9811>

^{б)} <https://orcid.org/0000-0001-5041-4795>, e-mail: gdkov@ieie.nsc.ru

Глобальные и национальные факторы влияния на экспорт и импорт регионов на примере Сибирского федерального округа¹

Стратегия совершенствования экспорта и импорта российских регионов актуализирует задачу выявления современного блока макроэкономических факторов воздействия на них. Согласно методологическому принципу научных исследований «от общего к частному», в первую очередь оцениваются тенденции на высокоагрегированных объектах. В основу оценки положен анализ динамических рядов по внешней торговле Сибирского федерального округа на фоне страны, Центрального федерального округа и г. Москвы. Методика построена на синтезе методов сравнительного, структурного, экспертного анализа, статистического оценивания и эконометрического моделирования. Подробно анализируется негативное воздействие на региональный экспорт разделения центров прибыли и мест производства путем юридического оформления головных офисов компаний. Этот механизм, названный в работе административным ресурсом, был и остается первым по негативному воздействию, и не только на экспорт. Построенные за 2018–2019 гг. рейтинги регионов РФ по добыче, объему обработки и ВРП в пересчете на душу населения выявили монополию центра в добывающей и обрабатывающей промышленности, вызывающей дальнейшую централизацию региональных бюджетных ресурсов. Применение метода пошагового построения регрессионных моделей на основе частных корреляций определило приоритетное влияние мировых цен на нефть и слабое воздействие санкций на торговлю России. Для СФО статистически подтверждена первоочередная зависимость от мировых цен на металлы, на втором месте зафиксировано влияние курса рубля, на третьем — слабое влияние цены на нефть, экспорт которой практически выведен из региона. Предлагаемое совмещение центра прибыли с местом ее генерации рассматривается как эффективный инструмент межрегионального выравнивания эффекта внешней торговли, направленный на преодоление социально-экономической неоднородности регионов без привлечения федерального бюджета. Полученные результаты полезны органам управления и научным центрам для разработки региональных стратегий.

Ключевые слова: динамика внешней торговли России, СФО, мировые цены, экспорт, импорт, товарная структура региональной торговли, дифференциация, модели, рейтинги, факторы воздействия

Благодарность

Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Соглашение № 075–15–2020–804 от 02.10.2020 (грант № 13.1902.21.0016).

Для цитирования: Суслов В. И., Ковалева Г. Д. Глобальные и национальные факторы влияния на экспорт и импорт регионов на примере Сибирского федерального округа // Экономика региона. 2021. Т. 17, вып. 4. С. 1302–1317. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-18>.

¹ © Суслов В. И., Ковалева Г. Д. Текст. 2021.

RESEARCH ARTICLE

Victor I. Suslov ^{a)}, Galina D. Kovaleva ^{b)}^{a)} Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation^{a, b)} Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of RAS, Novosibirsk, Russian Federation^{a)} <https://orcid.org/0000-0001-7972-9811>^{b)} <https://orcid.org/0000-0001-5041-4795>, e-mail: gdkov@ieie.nsc.ru**Global and National Factors Influencing Regional Export and Import on the Example of the Siberian Federal District**

A strategy for improving export and import of Russian regions requires the identification of macroeconomic factors affecting their foreign trade. According to the scientific principle of deduction (from general to particular), trends observed in highly aggregated objects should be assessed first. Time series for foreign trade of the Siberian Federal District were analysed and compared with those of the Russian Federation, Central Federal District and the city of Moscow. Methods of comparative, structural, expert analysis, statistical estimation and econometric modelling are utilised in the research. The study demonstrates that the separation of profit centres and production sites through legal registration of company head offices (the mechanism called «administrative resource») negatively affects regional exports, as well as other aspects. 2018–2019 ratings of Russian regions in terms of production, volume of operations and gross regional product (GRP) per capita revealed the centre's monopoly in the mining and manufacturing sectors, causing further centralisation of regional budgetary resources. Application of the method of stepwise regression based on partial correlations demonstrated the significant influence of world oil prices and the weak impact of sanctions for Russian trade. It was statistically confirmed that trade in the Siberian Federal District primarily depends on world metal prices, and then the rouble exchange rate, while the influence of the price of oil, whose export was practically taken out of the region, is quite weak. The proposed combination of profit centres with places of its generation is considered as an effective tool for regional equalisation of the foreign trade effect, aimed at overcoming the socio-economic heterogeneity of regions without involving the federal budget. The obtained results can be used by government bodies and research centres for developing regional strategies.

Keywords: dynamics of Russia's foreign trade, Siberian Federal District, world prices, export, import, commodity structure, regional trade, differentiation, models, ratings, influencing factors

Acknowledgements

The article has been prepared with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, agreement No. 075–15–2020–804 dated 02.10.2020 (grant No. 13.1902.21.0016).

For citation: Suslov, V. I. & Kovaleva, G. D. (2021). Assessment of the Occupational Structure of Employed in Regions. *Ekonomika regiona [Economy of regions]*, 17(4), 1302–1317, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-18>.

Введение

Целью исследования является выявление базовых причин, определяющих современную внешнюю торговлю регионов, и характера их воздействия. Чем дальше удаляемся от начала реформы внешнеэкономической деятельности, тем значительнее проявляется ее роль в экономике регионов, актуальнее задачи научно-практических оценок региональных эффектов и все более обостряется потребность в совершенствовании как внешних, так и внутренних коммуникаций регионов, особенно в части их внешнеторговой деятельности¹.

Такая постановка вопроса согласуется с положением Стратегии пространственного раз-

вития страны² о снижении «межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения». Задача носит междисциплинарный характер и находится на стыке теорий мировой торговли, региональной экономики, пространственного развития и внешней торговли регионов. Базовые методологические принципы заложены в работах Э. Хекшера, В. Сэмюэльсона, Й. Шумпетера. Теория региональной экономики по вопросам структуры, взаимосвязей, технологического и инфраструктурного развития изложена в трудах А.Г. Гранберга, В.Г. Введенского, Д.С. Львова и др. Становлению и проблематике внешне-торговой деятельности регионов России посвя-

¹ Государственная программа РФ «Развитие внешнеэкономической деятельности» URL: <https://base.garant.ru/70644016/> (дата доступа: 20.01.2021).

² Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. расп. Правительства РФ от 13.02.2019 г. № 207-р. С. 19 URL: <http://static.government.ru/> (дата доступа: 20.09.2019).

щены работы И.П. Фаминского, А.А. Дынкина, И.Д. Иванова, П.А. Минакира, А.Н. Спартака, Л.Б. Вардомского, В.В. Орешкина.

Регионалистика получила продолжение в идеях пространственной экономики, основы которой заложены П. Кругманом, развиты Д. Фридманом и Т. Хогерштрандом [1–3] и получили развитие в работах российских ученых. Ю.Н. Саидов акцентирует внимание на важности саморазвития регионов для экономики страны. Поддерживая этот тезис, М.И. Середкин и Е.А. Грицаенко рассматривают внешнеэкономическую деятельность региона как инструмент регионального саморазвития. Оценка на основе спецификаций неоклассической модели экономического роста, выполненная Д.А. Изотовым на модельных расчетах, позволила убедительно доказать положительное воздействие внешней торговли регионов на экономический рост [4].

О возможностях и необходимости более полной реализации природно-географического потенциала Азиатской России говорится в работе В.И. Суслова [5]. Признаком новой политики пространственно-экономического развития, по мнению А.В. Серебренниковой, «является реализация принципа регионального саморазвития, перенос ответственности за эффективность территориально-хозяйственных образований и воспроизводство человеческого капитала на местный уровень», что предполагает более полный учет интересов территорий центром и регионами и направлено на снижение диверсификации региональной экономики.

Однако П.А. Минакир, анализируя положения стратегии пространственного развития, акцентирует внимание на несогласованности ее отдельных тезисов [6, 7]. Вслед за другими авторами [8–9] он оценивает аспекты преодоления регионального неравенства и отмечает нерешенность поставленных задач. Дифференциация российских регионов не только не снижается, но и растет [10, 11], и все большее внимание притягивается к проблеме увеличения общественно полезной отдачи от деятельности крупных компаний на территориях регионов, а не только к получению ими там финансовой прибыли [12]. Все это актуализирует исследование причин критически высокой дифференциации регионов РФ по их вкладу в области внешней торговли [13–15]. Следует выделить работы, в которых вскрываются изменения мировой торговли [16–19], определяется положение России и регионов [20, 21].

В расчетах использованы базы данных Всемирного банка, Федеральной службы государственной статистики РФ (ФСГС) и Сибирского таможенного управления (СТУ) за период 1998–2019 гг. Информационное обеспечение представляли годовые временные ряды по экспорту, импорту, курсу рубля к доллару США, мировым ценам, ВВП РФ и ВРП регионов. Методика исследования включала расчеты многофакторных регрессионных моделей различных модификаций, индексов и построение рейтингов.

В контексте пространственной экономики обостряется необходимость поиска внутренних мер эффективного формирования региональной внешней торговли как важного фактора социально-экономического роста.

Взлеты и падения внешней торговли России

Прежде чем перейти к региональным проблемам, посмотрим на внешнюю торговлю страны в целом. Смена тенденции в торговле РФ пришла на 2012 г., когда многолетний рост внешнеторгового оборота (ВТО) сменился падением темпов, а затем и абсолютных объемов (рис. 1). Удельный вес России в мировом экспорте снизился к началу 2020 г. до 2,3 %.

Причиной стало резкое обрушение мировых цен на сырьевые товары, что было предопределено высокой долей энергоносителей и металлов в экспорте страны. Так, в 2019 г. на нефть и нефтепродукты, газ и каменный уголь, по оценке, приходилось около 58 % (суммарный удельный вес минеральных продуктов достигал 63,3 %).

Очевидная синхронная динамика показателей внешней торговли РФ с ценой на нефть (рис. 1) подтверждается значимой корреляцией показателей, равной 0,98 для экспорта и 0,97 для импорта¹. К факторам влияния на объемы торговли относят динамику валютного курса рубля. Однако расчеты не подтвердили корреляционную связь с ним ни мировой цены на нефть, ни цен на металлы, составляющих экспортную специализацию страны. Объяснением может служить то, что зависимость этих показателей на ежемесячных/квартальных данных исчезает при переходе к агрегированным годовым рядам, так как при этом гасятся быстрые флуктуации.

¹ Использована цена за 1 баррель нефти марки Brent по данным British Petroleum (BP) за период 1998–2019 гг. // Всемирный банк Doing Business 2019. URL: <http://russian.doingbusiness.org/> (дата доступа: 17.10.2020).

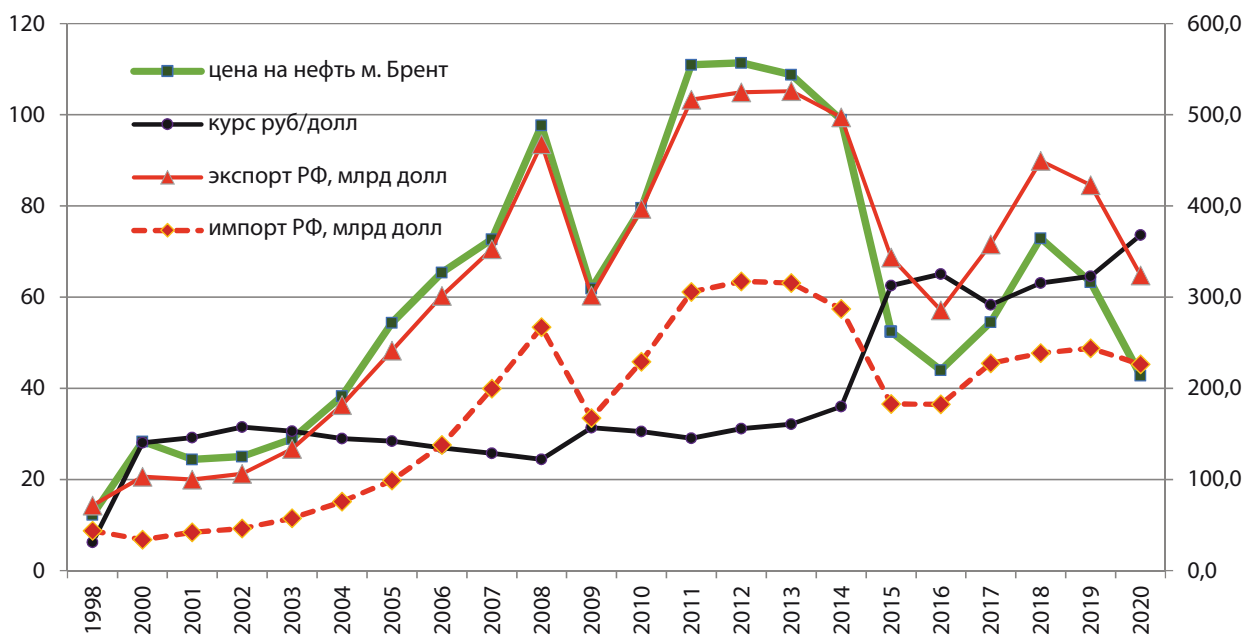

Рис. 1. Экспорт и импорт РФ за 1998–2020 гг., млрд долл. (правая ось); курс рубля, руб./долл. США и цена на нефть марки Brent, долл. за баррель (левая ось) (источник: рассчитано по: Российский статистический ежегодник, 2021. 27.54. С. 6)
Fig. 1. Export and import of the Russian Federation for 1998–2020, billions of US dollars (right axis); rouble exchange rate, RUB/US dollars and the Brent crude oil price, USD per barrel (left axis)

Зависимость годовых данных по экспорту РФ с валютным курсом полностью отсутствовала на этапе 1997–2016 гг. Рассчитанный коэффициент корреляции был незначим: $r = 0,32$ при $p = 0,15$. Зависимость лишь слегка проявилась при продлении расчетной базы до 2019 г., коэффициент корреляции поднялся до $r = 0,42$ при $p = 0,045$. Теоретические положения о влиянии валютного курса на экспорт оказались не столь очевидными, что и подтверждают их графики.

В конце второго десятилетия появились явные признаки изменения причинно-следственного комплекса воздействующих факторов. Так, до 2014 г. проявлялась загадочная синхронность в динамике экспорта и импорта (рис. 1), их коэффициент корреляции $r = 0,99$, значимость $p = 0,00$. Возможно, из-за того, что основные объемы закупок и продаж выполняют одни и те же участники (в основном добывающие корпорации), или, например, оборачиваемость валюты в импортных сделках в пределах 2 месяцев обеспечивает адаптацию импортной практики к состоянию экспортной выручки. Однако это лишь гипотезы, требующие подтверждения.

Тем не менее, появились признаки нарушения этой тенденции. Несмотря на то, что цена на нефть после 2012 г. ежегодно снижалась до 2016 г. и, соответственно, экспорт продолжал падать, хотя ослабленный рубль должен был бы его стимулировать, импорт в 2016 г.

впервые не только не снизился, а даже увеличился вопреки низкому курсу рубля. Санкции с каждым последующим годом ужесточались, курс становился все ниже и, тем не менее, в 2017 г. видим резкую смену динамики торговли в лучшую сторону; при удорожании нефти вырос не только экспорт, но и импорт. Вопреки традиции «совпадения» экспорт рос только два года, а рост импорта продолжился и в 2019 г. Нарушилась не только многолетняя синхронность показателей, изменился и характер роста. 2018 г. впервые внес корректуру в динамику темпов: импорт перестал быть абсолютной тенью экспорта. Его годовой прирост составил всего 4 % при приросте экспорта почти на 26 %.

Инновации на этом не кончились. В 2019 г. экспорт и импорт показали противоположное направленное развитие: стоимость экспорта упала на 6 %, а импорта выросла на 2 %. Такой парадокс в российской торговле произошел впервые, что свидетельствует о появлении новых факторов влияния на внешнюю торговлю, во всяком случае, на импорт. Он потерял энергию роста, причиной стали санкции и анти-санкции, вызванное ими снижение закупок и реально состоявшееся давно обещанное импортозамещение в отдельных товарных позициях. К внешним сдерживающим факторам присоединились стимулирующие внутренние. Положительный аспект формировался под влиянием действенных решений и после-

Регрессионные модели зависимости экспорта и импорта субъектов от санкций, валютного курса рубля и мировых цен

Table 1

Regression models of the dependence of export and import on sanctions, the rouble exchange rate and world prices

Константа	Цена за баррель нефти марки Brent	Санкции	Валютный курс	Цена за т угля каменного	Цена за т серебра	Цена за т меди	Цена за т алюминия	Цена за т никеля	Цена за т олова
РОССИЯ Экспорт $R^2 = 0,99$; $S^2 = 12899,29$; $DW = 1,94$									
-36091,5	4432,9** (1)	41527,7** (2)		1033,8* (3)	2126,5* (4)				
РОССИЯ Импорт $R^2 = 0,98$; $S^2 = 15263,9$ $DW = 1,76$									
-36564,5	1778,2** (2)								7,8** (1)
Сибирский федеральный округ Экспорт $R^2 = 0,94$; $S^2 = 2812,08$ $DW = 1,65$									
-21,795	141,71* (3)		177,37** (2)			20,29** (1)			
Сибирский федеральный округ Импорт $R^2 = 0,906$; $S^2 = 917,28$ $DW = 1,1$									
-195,71				108,27** (1)					

Составлено по: Росстат.

* Корреляция значима на уровне 0.1 (2-сторон.). ** Корреляция значима на уровне менее 0.05 (2-сторон.). В скобках указан порядок включения фактора в модель.

довавших за этим мер по снижению импорто-зависимости. Именно в период санкций импорт перестал повторять динамику экспорта. В рамках гипотезы, предполагающей, что экспорт и импорт страны определяются интересами немногочисленной группы одних и тех же компаний, можно предполагать, что после 2014 г. не только изменилась их импортная политика, но и появились новые, на сей раз региональные игроки.

На основе теоретических представлений в качестве основных воздействующих факторов на внешнюю торговлю [22–24] нами были отобраны цена на нефть, курс рубля к доллару США и дамми-переменная¹, отражавшая влияние санкций, а также мировые цены на основные металлы экспортной специализации страны: медь, алюминий, никель, а также серебро, олово и уголь каменный. Методика расчетов представляет отбор на первом шаге экзогенной переменной в правую часть уравнения на основе максимальной корреляции эндогенной переменной со всеми экзогенными; последующий выбор аргумента зависел от максимальной частной корреляции, по-

лученной путем удаления влияния уже включенных в уравнение переменных из всех оставшихся независимых переменных и функции. Порог включения равнялся 0,05, а выключения — 0,1. Пошаговая регрессия позволяет отобрать из множества независимых переменных наилучший набор факторов по требованиям статистических критериев и одновременно ранжировать отобранные факторы по их влиянию на зависимую переменную. Окончательные варианты регрессионных моделей экспорта и импорта приведены в таблице 1.

Критериями отбора выступали значимости оценок, коэффициенты множественной детерминации, статистика Дарбина — Уотсона, стандартная ошибка отклонений. Проблема мультиколлинеарности не возникала вследствие пошагового включения факторов в правую часть уравнения по результатам частных корреляций. Статистика СФО в целях сопоставимости по годам здесь и далее включает данные Республики Бурятия и Забайкальского края, переведенных приказом Президента РФ № 632 от 3.11.2018 г. из СФО в состав ДФО.

Выявленные регрессионные связи подтвердили зависимости показателей экспорта РФ и ЦФО, в первую очередь от цены на нефть, во вторую — от переменной «санкции», и затем от цен на уголь и цветные металлы. Для экспорта России включение санкций повысило долю объясненной дисперсии

¹ Дамми-переменная принимает значение 0 на всем интервале, и 1 в годы санкций. Среднеконтрактная цена на уголь каменный собрана по данным Российского статистического ежегодника за 1997–2019 г. Данные по ценам получены с сайта компании ФИНАМ: <https://www.finam.ru/profile/tovary/aluminum/export/>. (дата доступа: 26.01.2021)

менее чем на процент. Их воздействие проявилось только на уровне отклонений показателя от вклада цены на нефть, а влияние осталось незначительным.

Экспорт следует в фарватере мировой цены на нефть (рис. 1) и, с большой вероятностью, продолжит следовать ей и в дальнейшем. Санкции, безусловно, влияют на экспорт, но их влияние невелико и вторично. Относительно импорта можно утверждать, что санкции в последнем периоде в силу внешних мер и реакции на них изнутри усиливают свое воздействие.

2010 г. и 2017 г. были годами выхода из кризисов, последний из которых оказался намного глубже предыдущего. Через 2 года — в 2019 г. рост вновь сменился спадом и, судя по всему, надолго¹. К перечисленным выше факторам присоединился форс-мажор 2020 г., связанный с пандемией, охватившей мир.

Сибирский федеральный округ: прямое или опосредованное влияние мирового рынка?

О динамике торговли СФО в сравнении с торговлей страны, ЦФО и г. Москва можно судить по графикам на рисунке 2, выполненным в едином масштабе. Первое, что следует отметить, — это относительно низкий уровень внешнеторгового оборота СФО. Даже поднявшись до 48 млрд долл. в 2019 г. он оставался в 7,6 раза меньше ВТО ЦФО и в 6 раз меньше ВТО г. Москва.

Второе — это сходство динамики внешнеторгового оборота РФ, Центрального федерального округа и г. Москва не только в совпадении поворотных точек, но даже в этапах замедления роста и падения показателей. Одна из причин — главенствующая роль этих регионов. По данным ФСГС, на всем протяжении временного интервала на них приходилась большая часть ВТО страны. Удельный вес ВТО ЦФО, равный в 2012 г. 430,7 млрд долл., составлял 51 %, из которых 40,9 % относилось к г. Москва. Отмеченная структура со временем не только не улучшилась в пользу других регионов, она ухудшилась: удельный вес ВТО

ЦФО в 2019 г. поднялся до 54,7 %, г. Москва до 43,6 %.

Сопоставление торговли этих субъектов и СФО подводит к вопросу, почему богатейшие природные богатства и их масштабное освоение в Сибири много лет не обеспечивают прорывного развития ресурсного макрорегиона, лишь косвенно поддерживают его на некотором не отвечающем современным запросам уровне. Здесь же найдем ответ на вопрос, почему внешняя торговля СФО глуха к изменениям цены на нефть.

Вернемся к различиям в динамике внешнеторговых оборотов. Во внешней торговле РФ последний глубокий спад пришелся на 2015 г., когда было потеряно 33 % объема ВТО. Наиболее болезненный удар получила Москва, потерявшая 36 % своего объема, в первую очередь, в результате падения нефтяных цен. Потери СФО на уровне 13,8 % на этом фоне можно считать весьма скромными. Иначе быть не могло — нефти, нефтепродуктов и газа в товарной структуре регионального СФО экспорта практически нет. Внешняя торговля центральных регионов в большей мере подвержена воздействию мирового рынка, нежели СФО, который за годы санкций не только не снизил свою долю в торговле РФ, но и нарастил ее, благодаря реальному увеличению объемов экспорта в других товарных секторах. Прибавляя последние 3 года по 0,1 %, СФО обеспечивал в 2019 г. 7,2 % ВТО России. До 2016 г. внешняя торговля СФО падала медленнее, чем в РФ, в дальнейшем, когда санкции стали масштабными, она росла быстрее на 2 процентных пункта в год. Экспорт добытых на территории СФО нефти, нефтепродуктов и газа по-прежнему почти не попадает в его статистику, что демпфирует воздействие нефтяных цен на региональный экспорт. Об этом говорит и тот факт, что внешнеторговый оборот СФО достиг максимального за 22 года значения в 2018 г., а не как РФ в 2012 г. Все это дает основание считать, что мы столкнулись с причинами, определяющими специфичность динамики экспорта и импорта СФО, а влияние мирового рынка на его торговлю опосредовано внутренними мерами.

В доказательном поиске причин перейдем к слагаемым внешнеторгового оборота, опустившись на один уровень агрегации. Во всех случаях определяющим остается экспорт. В торговле СФО коэффициент покрытия экспортом импорта в 2019 г. был самым высоким и равнялся 3,7 (табл. 2), в то время как в РФ и г. Москва — 1,7, в ЦФО — 1,4. Высокое значе-

¹ Влияние мировых цен на энергоносители на торговлю РФ обеспечено их исторически высокой долей в экспорте страны. На металлы приходилось около 7 % (с изделиями — 9,88 %). Годовой спад экспорта нефти и нефтепродуктов на 9 % при росте веса грузов на 0,1 % был вызван снижением среднеконтрактных цен. Экспорт газа сократился на 15 % при сокращении физических объемов всего на 0,3 %, т. е. также за счет обвала цены; снижение среднеконтрактной цены на уголь вызвало падение экспорта угля на 6 % при физическом росте объемов на 3 %.

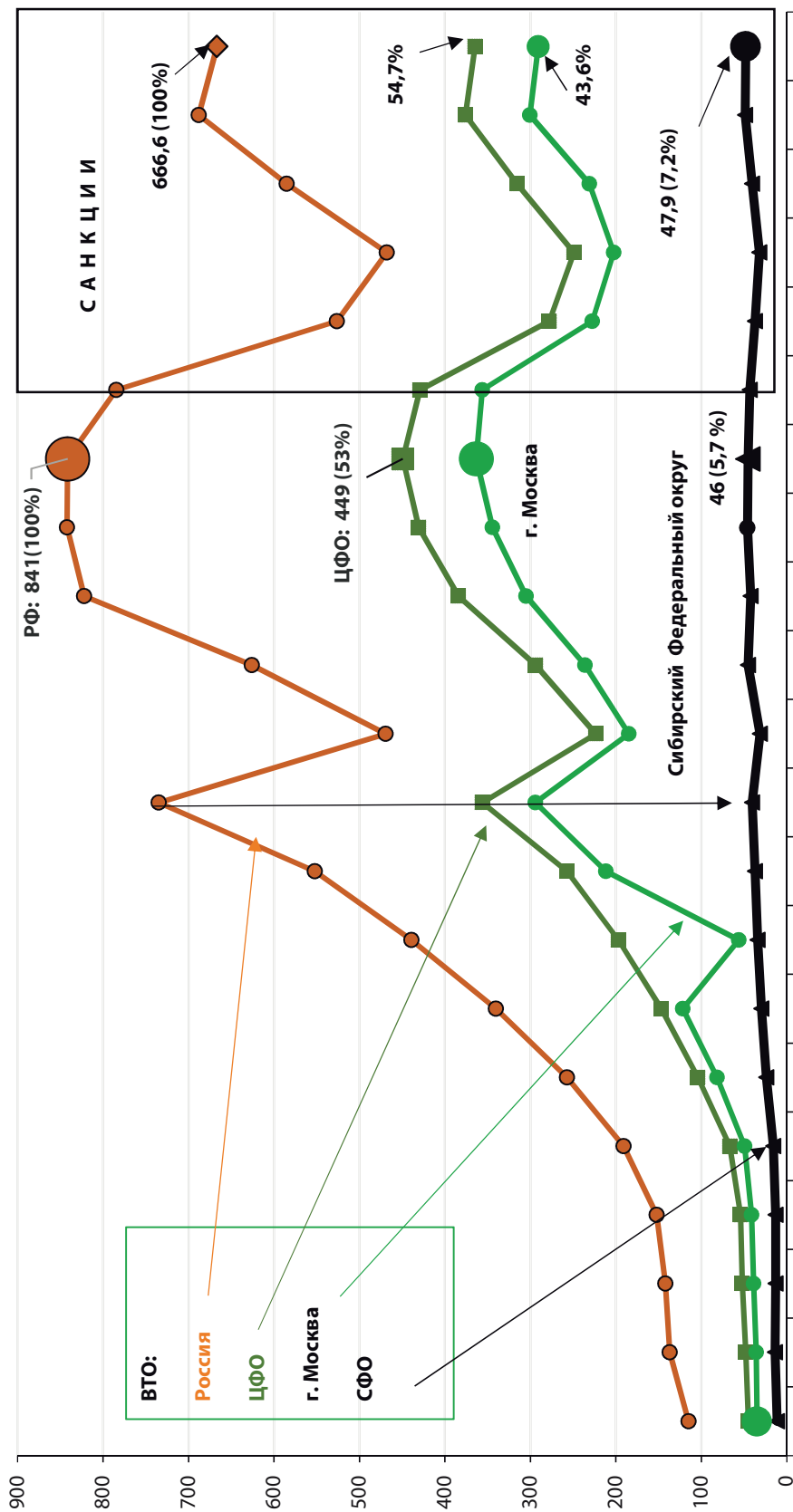

Рис. 2. Внешнеторговый оборот РФ, ЦФО, г. Москва и СФО в млрд долл. США в текущих ценах (источник: составлено по: Росстатистический ежегодник за 1999–2020 гг.)
 Fig.2. Foreign trade turnover of the Russian Federation, Central Federal District, Moscow and Siberian Federal District in billions of US dollars at current prices

Таблица 2

Внешняя торговля РФ, ЦФО, Москвы и СФО в 2019 г., млрд долл. в текущих ценах*

Table 2

Foreign trade of the Russian Federation, Central Federal District, Moscow and Siberian Federal District in 2019, billions of US dollars in current prices

Регион	Экспорт		Импорт		Сальдо млрд долл.	Коэффициент покрытия ЕХ/ІМ, раз
	млрд долл.	удельный вес, %	млрд долл.	удельный вес, %		
РФ	422,8	100	243,8	100	179	1,7
г. Москва	183,5	43	107,1	44	76,4	1,7
СФО	37,8	9	10,1	4,2	27,7	3,7

Источник: Российский статистический ежегодник 2020 г.

* Данные по ВРП запаздывают на год. ВРП СФО составлял в 2018 г. 141 млрд долл.

ние коэффициента свидетельствует об относительно больших объемах чистого экспорта, продуцирует вопросы о направлениях использования вырученной валюты и причинах низкого уровня импорта.

Внешняя торговля остается значимой для экономики СФО, ее уровень открытости достаточно высок. В 2018 г. экспортная квота достигала 28 % и импортная 7 %, что, однако, было существенно ниже средних показателей по стране: 33 % и 18 % соответственно. Никакого сравнения они не выдерживали с данными г. Москва, где экспорт находился на уровне 70 % ВРП, а импорт 37 %.

Низкие объемы регионального импорта СФО обусловлены в большей степени сложившейся монополией центра на импорт ликвидной продукции, нежели негативным влиянием мировых цен. Максимальный в 10,5 млрд долл. объем импорта СФО был зафиксирован в 2012 г., что составляло на тот период лишь 3,3 % от импорта страны. В последующем показатель ежегодно снижался примерно на 1,2–1 млрд долл. в год, и в 2016 г. опустился до 5,9 млрд, в 2019 г. удельный вес импорта СФО составил 4,2 %. Импортная деятельность в большей степени, чем экспортная, сконцентрирована в центральных регионах¹. Большая часть импорта перепродается ими по всей стране, но уже по новым ценам, и дополнительным бременем ложится на плечи региональных производств и населения. Централизация отчасти обусловлена эффектом от масштаба закупок, однако он остается импортеру-посреднику. На начальном этапе оправданием служило отсутствие в регионах необходимой инфраструктуры, логистики и опыта. В современной практике в регионах накоплен большой опыт, созданы необходимые условия

и обеспечен весь спектр услуг для регионального импорта. Однако преимущества Москвы и Московской области не только сохраняются, но и охраняются, и основной поток импорта по-прежнему поступает в страну при их посредничестве. В России в 2019 г. 22 региона имели отрицательное сальдо, и из них 9 относились к ЦФО. Самое большое по абсолютному значению отрицательное сальдо (19,7 млрд долл.) отмечено в Московской области.

Таким образом, все свидетельствует о том, что внешняя торговля многих регионов страны испытывает деструктивное монопольное воздействие центра на результаты как экспортной деятельности, так и импортной. Подтверждением этого тезиса является внешняя торговля СФО в региональном разрезе.

История внешней торговли регионов Сибири через призму факторов влияния

Успехи регионов во внешней торговле складывались по-разному. Все регионы округа по объемам экспорта распределяются по 3 группам: в первую объединены 3 региона-лидера, суммарный ВТО которых в 2019 г. обеспечивал 70,2 % по округу, а их доля в экспорте превышала 76 % (рис. 3).

Во вторую группу вошли семь регионов, у каждого из которых удельный вес в экспорте СФО находился в интервале от 1,5 % до 12,7 % и в третью группу — два региона с весами менее 1 %. Такое разбиение сохраняется уже более 20 лет, хотя внутри групп происходит ротация во времени по объемам экспорта, подводящая нас к важным выводам. В первой группе следует отметить отрицательную тенденцию в экспорте Красноярского края, который долгие годы был лидером, поставлял на внешний рынок в свое время товаров на сумму свыше 12 млрд долл., но в результате многолетнего падения экспорта уступил позиции Кемеровской, а затем и Иркутской областям.

¹ Максимальный объем импорта Москвы был достигнут в 2013 г. в размере 132,7 млрд долл., что в 12,5 раз превышало импорт СФО. Доля Москвы в импорте РФ достигла 42 %, в импорте ЦФО — 72 %.

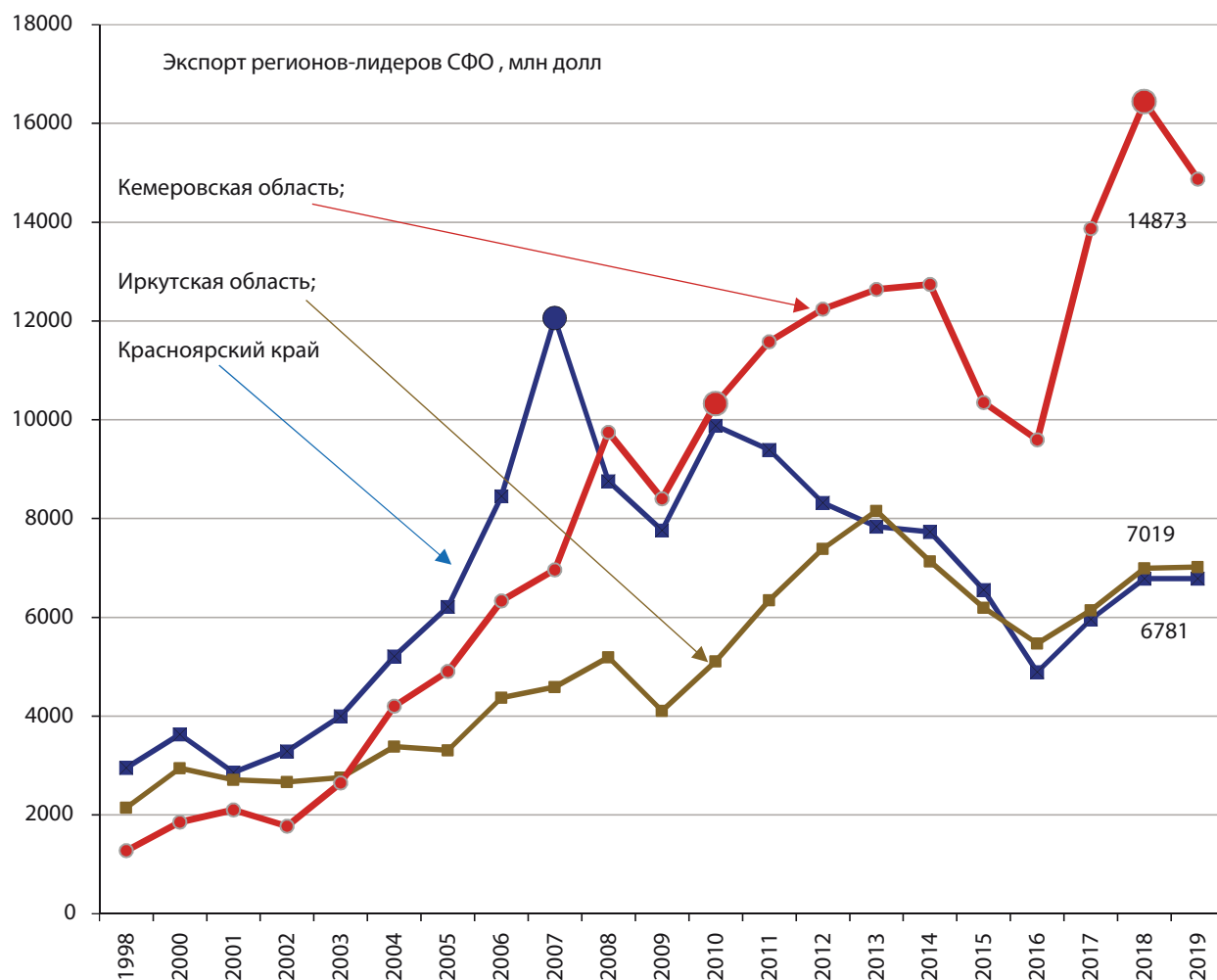

Рис. 3. Динамика экспорта регионов первой группы в млн долл. США, в текущих ценах (источник: сборники «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 1998–2020 гг.)

Fig. 3. Dynamics of export of the first group of regions in millions of US dollars, in current prices

Сжатие экспорта Красноярского края началось в 2008 г. В 2019 г. экспорт края отставал от своего максимума 2007 г. на 5,27 млрд долл. Были ли причиной мировые цены на энергоресурсы? Скорее нет, чем да. На графиках на рисунках 1, 3 видим, что в период высоких мировых цен экспорт края равномерно почти с одинаковым темпом катится вниз. Лишь оживление на рынке цветных металлов в последние три года несколько исправило ситуацию, но внутренняя проблема никуда не делась и связана с тем, что структура экспорта края не отражает истинной картины его участия в мировой торговле и остается далеко неполной.

Так, по данным ФСГС, товарную структуру экспорта Красноярского края в 2019 г. наполняли в основном цветные металлы: 31,6 % — медь и медные сплавы, 20,6 % — алюминий необработанный, 7,9 % — никель и всего 0,7 % сырой нефти и нефтепродуктов, при том, что на территории было добыто 23,9 млн т нефти и 8,1 млрд м³ газа. Вся прибыль от ре-

ализации нефти поступила в бюджет другого региона. Этого можно было бы не заметить, если бы такая практика не длилась годами, а в перспективе светила надежда, что она не получит развития. По прогнозу к 2030 г. на его территории ожидается добыча нефти 30–40 млн т/год. В то же время в Иркутской области в 2019 г., по данным СТУ, кроме угля на сумму 1,7 млрд долл., алюминия необработанного — 1,7 млрд долл., древесины и лесоматериалов примерно на 1,38 млрд долл., региональными (не столичными) экспортерами было поставлено на внешний рынок сырой нефти на 2,2 млрд долл. (для примера: в 2018 г. в Иркутской области было добыто 9,3 млн т нефти и 6,5 млрд м³ газа). Это мало, но в некоторой степени обеспечивает ей потенциал для так необходимого экономического роста.

В Кемеровской области, лидирующей в СФО с 2008 г., сохранились традиционно ей присущие экспортные приоритеты — уголь, металл и металлические изделия. Объемы ее экс-

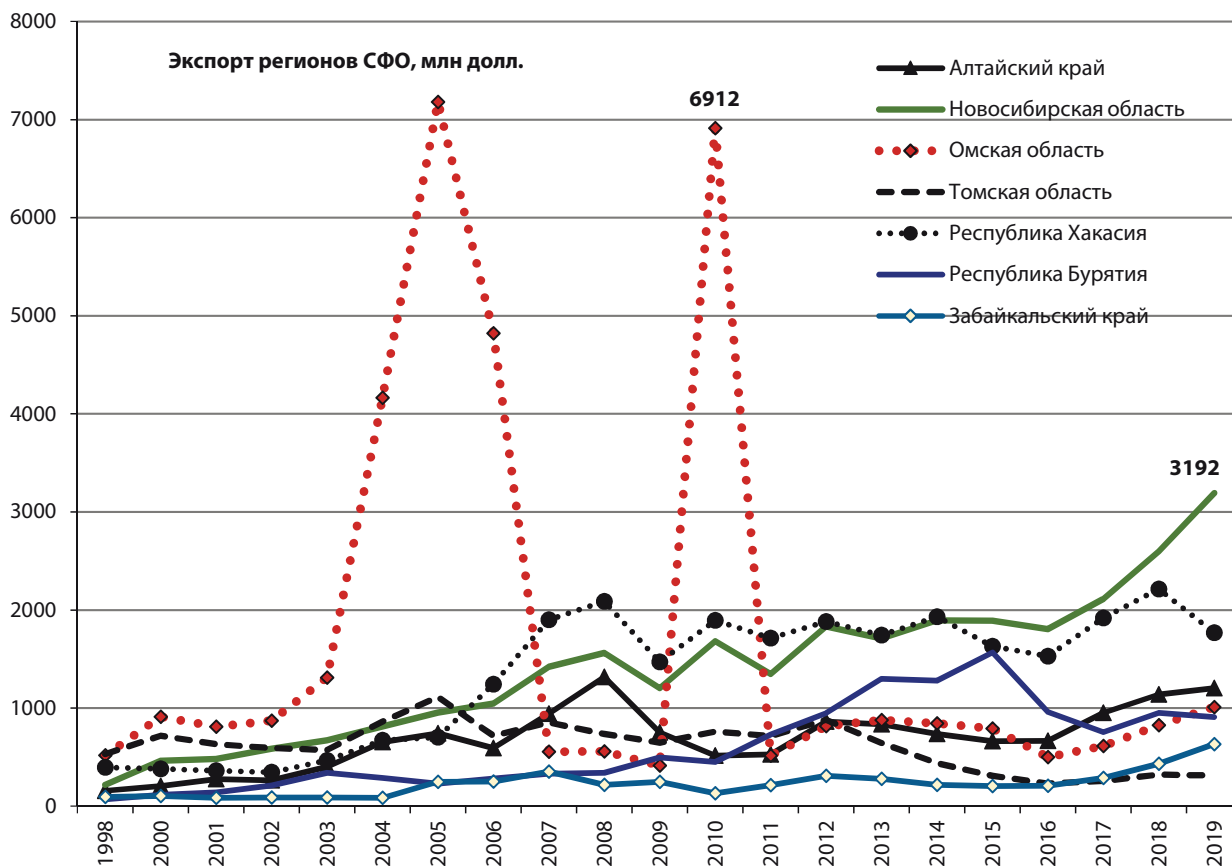

Рис. 4. Экспорт регионов СФО второй группы, млн долл., в текущих ценах (источник: сборники «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 1998–2020 гг.)

Fig. 4. Export of the second group of regions of the Siberian Federal District, millions of US dollars, in current prices

порта дают основание считать, что основную массу добытой и произведенной на территории продукции в основном поставляют на экспорт ее юридические лица благодаря сильной региональной власти. Информация об экспортных поставках с территории региона попадает в его региональную статистику, а 17 % налога на прибыль добывающих компаний — в региональный бюджет. Таким образом, экспорт Кемеровской области практически отражает реальные объемы поставок на внешний рынок продуктов, произведенных на ее территории, экспорт Иркутской области представлен с крупным недочетом, а Красноярского края — с огромными изъятиями.

К аналогичным выводам приводит анализ второй группы регионов (рис. 4). Динамика экспорта Омской области выделяется наличием двух пиков, происхождение которых связано с внешним управленческим воздействием. Из структуры областного экспорта после 2011 г. полностью исчезли углеводороды. Переадресовка объемов экспорта нефтеперерабатывающих производств Омской области в пользу Санкт-Петербурга привела к занижению статистики по экспорту СФО сразу на 6–7

млрд долл., а регионального экспорта Омской области до 0,5 млрд долл.

В качестве положительного момента следует отметить удвоение Омской областью показателя после 2016 г. и преодоление уровня 1 млрд долл. без учета экспорта углеводородов, за счет роста продовольственных товаров, на которые в 2019 г. приходилось 18,7 %, химической продукции — 40,2 %, машин, оборудования и транспортных средства — 31,6 %.

Доказательство деструктивного воздействия административного фактора можно продолжить и далее. Но не менее важно то, что к концу 20-х годов во многих регионах второй группы заметен рост экспорта, и хотя он практически везде обусловлен экспортом углей, он обозначил положительные изменения в темпах торговли СФО благодаря тому, что по разным причинам не подвергся административному ресурсу, как экспорт энергоносителей и многих металлов. Справедливости ради следует отметить, что причина роста — не только уголь.

Среди экспортеров выделяется Новосибирская область, которая в далеком 1998 г. имела всего 217 млн долл. Практически ежегодно преумножая поставки на внешний ры-

Таблица 3

Структура экспорта СФО и г. Москвы по товарным группам и регионам-лидерам СФО в 2019 и 2015 гг.

Table 3

Export structure of the Siberian Federal District and the city of Moscow by product groups and regions-leaders of the Siberian Federal District in 2019 and 2015, %

Наименование и номер группы в товарной номенклатуре (ТН) ВЭД	Уд. вес СФО в экспорте группы в РФ 2019 г. (2015 г.), %	Уд. вес. группы в экспорте СФО 2019 г. (2015 г.), %	Регион-лидер в СФО в группе 2019 г. (2015 г.)	Уд. вес лидера в экспорте СФО 2019 г. (2015 г.), %	Уд. вес Москвы в экспорте группы в РФ 2019 г., %
Продовольствие и с/х сырье (1–24)	4,8 (3,4)	3,1(1,8)	Кемеровская обл. (Алтайский край)	26 (27)	11,5
Продукция ТЭК (27)	6,7 (5,1)	46,6 (36,5)	Кемеровская обл.	66 (76)	58,4
Химическая продукция и каучук (28–40)	6,6 (7)	4,7(4,7)	Красноярский край	32 (32)	13,0
Древесина и ц/б изделия (44–49)	29,5 (32,9)	10 (10,7)	Иркутская обл.	59 (72)	4,7
Металлы и изделия (72–83)	25,5 (32,3)	25,4 (35,1)	Красноярский край	44 (48)	3,5
Машины и др. (84–90)	7,4 (9,8)	5,4(8,3)	Новосибирская обл.	48 (38)	33,7

Источник: «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2016,2020 г. URL: <https://rosstat.gov.ru> (обращение: 15.02.2021); по данным ФТС России: <https://ru-stat.com/analytics> (обращение: 19.01.2021).

нок, в 2014 г. она заняла первую позицию в своей группе. Ускорение обеспечено, помимо увеличения поставок угля (44 % стоимости всего экспорта в 2019 г.), ростом экспорта товаров группы «машины, оборудование и транспортные средства» в которой область обеспечивает 48 % в СФО (табл. 3).

В региональной торговле, несмотря на воздействия административного ресурса, появились признаки оживления, которые вселяют надежду на изменение трендов. Ситуация в СФО не так плоха, как можно было ожидать в условиях роста санкций. Экспорт СФО в 2018 г. достиг максимального значения за период: 38,8 млрд долл., и снизился в 2019 г. лишь на 3 % при сокращении экспорта РФ на 6 % (26,7 млрд долл.).

За время санкций вырос удельный вес СФО в экспорте Россией продовольствия, сельскохозяйственного сырья и продукции ТЭК. В остальных товарных группах произошло снижение его удельного веса, и это на фоне монополии столицы в экспорте ТЭК (58,4 %), «машин, оборудования и транспортных средств» (33,7 %), «продовольствия и сельскохозяйственного сырья» (11,5 %) и «химическая продукция и каучук» (13 %).

Предопределяют ли производственная специализация регионов и уровень их экономического развития региональный экспорт СФО?

Введем индекс, равный отношению стоимостных объемов обрабатывающих производств к объемам добывающих. Значение ин-

декса больше единицы позволяет отнести регион к обрабатывающему типу (1), меньше единицы — к добывающему (2). Соотношение можно рассматривать как косвенный признак ориентации промышленности региона. Для РФ оно составило 1:2,6, для ЦФО 1:8, для г. Москвы 1:4. Для СФО соотношение 1:1,73 показывает некоторый перевес выпуска обрабатывающей промышленности над добычей сырья, значительно уступающий среднему показателю по РФ, ЦФО и г. Москва.

Обрабатывающее производство в СФО преобладает в Омской и Новосибирской областях, Алтайском и Красноярском краях, в Республике Бурятия, Республике Хакасия и Республике Алтай (тип 1). К ресурсному типу (2) отнесены Иркутская и Кемеровская области, Забайкальский край и Республика Тыва. Прямая зависимость экспорта от индекса не просматривается; индекс показывает, сколько на один полученный рубль в добыче приходилось рублей в обрабатывающих производствах. Так, Красноярский край лидировал по объему обрабатывающих производств (31,4 % в СФО), но уступал Кемеровской и Иркутской областям по стоимости экспорта. Омская область по объемам обрабатывающих производств заняла второе место с удельным весом 19,3 %, однако по стоимости экспорта находилась на 7-м месте.

Занижен не только экспорт. В 2019 г. в официальной статистике Москве были приписаны почти 10 % добычи полезных ископаемых в РФ. Регионы, включая СФО, не досчитались минимум 27 млрд долл. продуктов добывающих от-

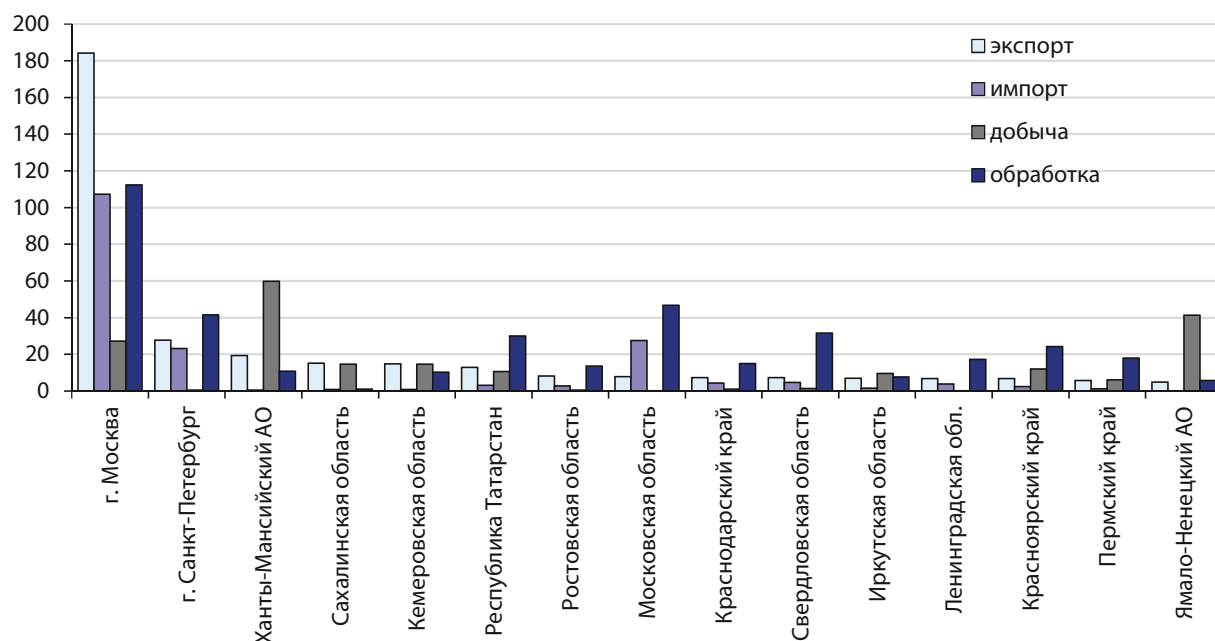

Рис. 5. Структура экспорта, импорта, добычи природных ресурсов и объемов обрабатывающей промышленности в млрд долл. США в текущих ценах, 2019 г. (фрагмент) (источник: данные Росстата (<https://rosstat.gov.ru> (обращение: 14.03.2021))

Fig. 5. Structure of export, import, mining of natural resources and volumes of the manufacturing sector in billions of US dollars at current prices, 2019 (fragment)

раслей, а также значительной части от 112,3 млрд долл. отнесенных к Москве объемов обрабатывающей промышленности (табл. 3). Отклонение в реальности больше, кроме Москвы, часть региональных объемов попадает в статистику Московской области и «северной столицы».

Рейтинг российских регионов по объемам добычи полезных ископаемых в 2019 г. возглавили Ханты-Мансийский АО (21,1 %), Ямало-Ненецкий АО (14,5 %), и Москва (9,6 %). Далее шли Кемеровская (5,2 %) и Сахалинская (5,1 %) области, Республика Саха (4,8 %), и только затем Красноярский край (4,3 %), Иркутская область (3,2 %) (рис. 5). На первые 20 регионов рейтинга по объемам добычи, доля каждого из которых превышала 1 %, приходилось 91,7 %, и 41,2 % объема обрабатывающей промышленности РФ, 69,3 % всего экспорта страны. В первую двадцатку входили 4 региона СФО с суммарным вкладом менее 14 % и всего 6 регионов страны, в которых обрабатывающая промышленность превышала добычу. Характерная высокая дифференциация регионов РФ отчасти объективно обусловлена наличием ресурсов, но не только.

По объемам обрабатывающей промышленности дифференциация ниже, но также неудовлетворительна. Регионов, у которых объем обрабатывающей промышленности превышал 1 %, насчитывалось 30, на них приходи-

лось 80,8 % от показателя РФ, 85 % экспорта и 90,5 % импорта, и 56,4 % от общего по России показателя по добыче полезных ископаемых. Красноярский край оказался на 7-м месте, Омская область на 15-м, Кемеровская на 24-м, всего из СФО в тридцатку вошли все регионы первой группы и два региона из второй, выделенные по объемам экспорта.

Первые три места рейтинга в обрабатывающей промышленности занимали Москва (15,3 %), Московская область (6,4 %) и Санкт-Петербург (5,6 %), в сумме обеспечившие 27,3 %, то есть третья часть относится к трем регионам, из которых два — города (рис. 5). Экспорт Москвы в 2019 г. достигал 184,3 млрд долл., импорт 107,3 млрд долл., при том, что добыча города 27,3 млрд долл. в сумме с обработкой 112,3 составляла 139,6 млрд долл. Это единственный регион в стране, который экспортирует больше, чем производит (примером были страны НИС первой волны). Если бы это не было отражением финансовых потоков, то можно было бы считать катастрофой с позиций государственной безопасности.

Приведенные Росстатом данные относительно добычи и обработки отражают административное перераспределение показателей, а не реальный вклад регионов в экономику страны [25]. В результате СФО, превосходя по численности население Москвы в 1,5 раза, имеет в 2 раза меньший ВРП. Показатель Моск-

вы составлял 22,3 долл. на тыс. чел., что превышало уровень РФ (9,2 долл. на тыс. чел.) в 2,4 раза, и СФО (7,7 долл. на тыс. чел.) в 3 раза. Дистанция регионов достигла критического уровня: разница максимального (Москва) и минимального (Республика Тыва) значения составляла 19 долл. на тыс. чел. Расчеты показывают, что реализация Стратегии пространственного развития не только не приближает к решению задачи выравнивания социально-экономического положения регионов, а все больше удаляет от него. Приведенные данные и рисунок 5 иллюстрируют стягивание экономических достижений страны в столицу, что вызывает вопросы к теории пространственного развития П. Кругмана в части обоснованности масштабов формирования центров развития и роли времени.

Причина заниженного экспорта скрыта в системе учета. Достаточно живучим механизмом стала фиксация экспорта не за регионом — производителем экспортной продукции, а по месту юридической регистрации головного офиса компании, определенная нами как административный ресурс. По нашей оценке, потери СФО в отдельные годы по этой причине значительно превосходили 10 млрд долл. Практика переадресации влечет огромные потери для регионов — производителей экспортной продукции, и в первую очередь — для региональных бюджетов. Среди внутренних проблем самым серьезным остается административный ресурс, и он же представляет причину высокой дифференциации регионов по объему добычи полезных ископаемых, обрабатываемому производству, ВРП на одного человека.

Регистрация крупных компаний по месту производства, без нанесения им финансового урона, обеспечила бы разворот финансовых потоков в восточном направлении, в расшивке многолетних накопившихся проблем в инфраструктурном развитии, в подъеме производственных инвестиций, распространении мультипликативного эффекта на повышение уровня жизни населения.

Второе место по влиянию на экспорт СФО занимают мировые цены. В модель экспорта СФО пошаговым методом были отобраны в порядке степени влияния цена на уголь валютный курс и цена на нефть (табл. 1). Модель воспроизвела 94 % изменений показателя, статистика Дарбина — Уотсона близка к области неопределенности, включение валютного курса добавило 3,7 % объясненной дисперсии. Доказана независимость экспорта и импорта СФО от санкций и практически от цены

на нефть. На импорт СФО из рассмотренного набора влияли только цены на уголь.

Более того, проявляется положительное влияние контрсанкций, которые выступили настолько действенным рычагом к переходу от слов к делу по решению проблемы импортозамещения, особенно в АПК, что повлекли большие успехи в экспорте отрасли во всех юго-западных регионах СФО. Внедряются новые технологии, восстанавливается пахотный клин, обновляется маточное стадо, культивируются новые культуры в земледелии, реализуется государственная поддержка фермерства, расширяется география и номенклатура товаров экспорта АПК.

Получено, что курс рубля к доллару не зависел от цен на нефть и все перечисленные металлы, кроме олова. Он имел значимый высокий коэффициент корреляции, равный 0,9, с переменной «санкции», но приоритет при пошаговом отборе в моделях экспорта РФ и Москвы оставался за санкциями (табл. 1).

Заключение

Роль ресурсных регионов во внешней торговле страны будет возрастать по мере реализации крупных инвестиционных проектов в сфере освоения, добычи и переработки энергетических ресурсов, металлических руд и редкоземельных металлов. Ожидается также рост объемов внешней торговли регионов как отклик на восстановление высокотехнологичных производств, внедрение наукоемких стартапов, дальнейший рост АПК, реализацию проектов в части современных транспортных коммуникаций, на дальнейшее усиление азиатского вектора в восточном и южном направлениях.

Однако административный ресурс может и далее оставаться для регионов определяющим среди всего набора негативных факторов и продолжать транслировать эффекты внешней торговли в центр, если никак не пытаться решить эту на сегодня основную управленческую задачу. Подтверждением служит и мнение директора Института регионального консалтинга А.Н. Пилясова, высказанное на страницах газеты «Наука в Сибири» в декабре 2020 г.: «Сегодня центры прибыли находятся в штаб-квартирах сырьевых корпораций, а центры социальных и экономических издержек — на территориях добычи. Требуется новое пространственное планирование, кооперация между хозяйствующими субъектами и активная государственная политика по нивелированию межкорпоративных конфликтов».

Список источников

1. Krugman P. Increasing returns and economic geography // Journal of political economy. 1991. Vol. 99. P. 483–499.
2. Кругман П. Пространство. Последний рубеж // Пространственная экономика. 2005. № 3. С. 121–136.
3. Hägerstrand T. Aspects of the Spatial Structure of Social Communication and the Diffusion of Information // Papers and Proceedings of the Regional Science Association. 1966. Vol. 16. P. 27–42.
4. Изотов Д. А. Влияние внешнеэкономической деятельности на экономический рост регионов России // Экономика региона. 2018. Т. 14, вып. 4. С. 1450–1462. DOI: doi.org/10.17059/2018–4–30.
5. Суслов В. И. Сибирь как мегарегион. Экономические параметры и стратегии развития // Сибирь как мегарегион. Параметры и цели / под науч. ред. В. И. Супруна. Новосибирск : ФСПИ «Тренды», 2018. С. 70–86. ISBN 978–5–902688–16–7.
6. Минакир П. А. Российское экономическое пространство. Стратегические тупики // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 4. С. 967–980. DOI: doi.org/10.17059/2019–4–1.
7. Минакир П. А. Российский кризис: ожидания против фактов // Пространственная экономика. 2018. № 1. С. 7–15. DOI: doi.org/10.14530/se.2018.1.007–015.
8. Пилясов А. Н. Новая экономическая география (НЭГ) и ее потенциал для изучения размещения производительных сил России // Региональные исследования. 2011. № 1 (31). С. 3–31.
9. Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов. Рост или снижение? // Общественные науки и современность. 2013. № 6. С. 15–26.
10. Михеева Н. Н. Анализ дифференциации социально-экономического положения российских регионов // Проблемы прогнозирования. 1999. № 5. С. 91–102.
11. Лавровский Б. Л., Шильцин Е. А. Российские регионы. Сближение или расслоение? // Экономика и математические методы. 2009. Т. 45, № 2. С. 31–36.
12. Крюков В. А., Меджидова Д. Арктические активы от масштаба к трансформности. // ЭКО. 2021. № 1. С. 8–39.
13. Фенин К. В. Теоретическое исследование концептуального содержания двух фундаментальных подходов к интерпретации динамики территориального экономического неравенства // Экономические отношения. 2019. Т. 9, № 1. С. 339–352. DOI: doi.org/10.18334/eo.9.1.39924.
14. Изард У. Методы регионального анализа. Введение в науку о регионах. Москва : Прогресс, 1966. 659 с.
15. Kovaleva G. D., Kostin A. V. Assessing the Impact of External Effects on Trade in the Regions of the Siberian Federal District // Regional Research of Russia. 2018. No 8 (4). С. 354–363. DOI: doi.org/10.1134/S2079970518040044.
16. Capello R. Regional economics in its fifties: recent theoretical directions and future challenges // Annals of Regional Science. 2008. No 42 (4). С. 747–767.
17. Porter M. E. The competitive advantage of nations // Harvard Business Review. 1990. Vol. 68. P. 73–93.
18. Porter M. E. Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance. New York : The Free Press, 1985. 557 p.
19. Should pharmaceutical companies engage in corporate social responsibility? / M. Min, F. Desmoulins-Lebeault, M. Esposito // Journal of Management Development. 2017. Vol. 36, iss. 1. P. 58–70. DOI: doi.org/10.1108/JMD-09–2014–0103.
20. Полтерович В. М. К общей теории социально-экономического развития. Ч. 2. Эволюция механизмов координации // Вопросы экономики. 2018. № 12. С. 77–102.
21. Зубаревич Н. В. Стратегия пространственного развития. Приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 135–145. DOI: doi.org/10.32609/0042–8736–2019–1–135–145.
22. Дедкова Е. Г., Марущак К. И. Анализ современного состояния и перспектив развития несырьевого экспорта в России // Торгово-экономический журнал. 2018. № 1. С. 28–36.
23. Красильникова Е. А., Никишин А. Ф. Тенденции двухзначных приростов экспорта. Оздоровление структуры или задачи сохранения положительного сальдо // Российское предпринимательство. 2018. Т. 19, № 11. С. 3525–3536.
24. Горлачев М. Ж. Анализ товарной структуры экспорта РФ // Новая наука. От идеи к результату. 2016. № 12. С. 88–90.
25. Гребёнкин И. В. Тенденции изменения промышленной специализации и динамика развития российских регионов // Экономика региона. 2020. Т. 16, вып. 1. С. 69–83. DOI: doi.org/10.17059/2020–1–6 УДК 332.12: 339.562.

References

1. Krugman, P. (1991). Increasing returns and economic geography. Journal of political economy, 91, 483–499.
2. Krugman, P. (2005). Space: the final frontier. Trans. from English. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*, 3, 121–136. (In Russ.)
3. Hägerstrand, T. (1966). Aspects of the Spatial Structure of Social Communication and the Diffusion of Information. *Papers and Proceedings of the Regional Science Association*, 16, 27–42.
4. Izotov, D. A. (2018). Influence of Foreign Economic Activity on the Economic Growth of Russian Regions. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 14(4), 1450–1462. DOI: 10.17059/ 2018–4–30. (In Russ.)
5. Suslov, V. I. (2018). Siberia as a mega-region: economic parameters and development strategies. In: V. I. Suprun (Ed.), *Sibir kak megaregion. Parametry i tseli [Siberia as a mega-region: parameters and goals]* (pp. 70–86). Novosibirsk: FSPI “Trends”. (In Russ.)

6. Minakir, P. A. (2019). Russian Economic Space: Strategic Impasses. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 15(4), 967–980. DOI: 10.17059/2019-4-1 (In Russ.)
7. Minakir, P. A. (2018). Russian crisis: expectations versus facts. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*, 1, 7–15. DOI: 10.14530/se.2018.1.007–015 (In Russ.)
8. Pilyasov, A. N. (2011). New Economic Geography (NEG) and its potential for studying the location of Russia's productive forces. *Regionalnye issledovaniya [Regional Studies]*, 1(31), 3–31. (In Russ.)
9. Zubarevich, N. V. & Safronov, S. G. (2013). The Inequality of Social and Economic development of Regions and Cities of Russia of the 2000s: Growth or Decline? *Obshchestvennyye nauki i sovremennost [Social Sciences and Contemporary World]*, 6, 15–26. (In Russ.)
10. Mikheeva, N. N. (1999). Analysis of Interregional Inequality in Russia. *Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development]*, 10(5), 514–521. (In Russ.)
11. Lavrovsky, B. L. & Shiltsin, E. A. (2009). Russian Regions: Leveling or Stratification? *Ekonomika i matematicheskie metody [Economics and mathematical Methods]*, 45(2), 31–36. (In Russ.)
12. Krukov, V. A. & Medzhidova, D. (2021). Arctic Assets — from Economies of Scale to Transformity? *EKO [ECO]*, 1, 8–39. (In Russ.)
13. Fenin, K. V. (2019). The theoretical study of the conceptual content of two fundamental approaches to the interpretation of the dynamics of territorial economic inequality. *Ekonomicheskie otnosheniya [Journal of International Economic Affairs]*, 9(1), 339–352. DOI: 10.18334 / eo.9.1.39924 (In Russ.)
14. Isard, W. (1966). *Methods of regional analysis: an introduction to regional science [Metody regionalnogo analiza. Vvedenie v nauku o regionakh]*. Trans. from English. Moscow: Progress, 659. (In Russ.)
15. Kovaleva, G. D. & Kostin, A. V. (2018). Assessing the Impact of External Effects on Trade in the Regions of the Siberian Federal District. *Regional Research of Russia*, 8(4), 354–363. DOI: 10.1134/S2079970518040044.
16. Capello, R. (2008). Regional economics in its fifties: recent theoretical directions and future challenges. *The Annals of Regional Science*, 42(4), 747–767.
17. Porter, M. E. (1990). The competitive advantage of nations. *Harvard Business Review*, 68, 73–93. DOI: 10.1002/cir.3880010112.
18. Porter, M. E. (1985). *Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance*. New York: The Free Press, 557.
19. Min, M., Desmoulins-Lebeault, F. & Esposito, M. (2017). Should pharmaceutical companies engage in corporate social responsibility? *Journal of Management Development*, 36(1), 58–70. DOI: 10.1108/JMD-09-2014-0103.
20. Polterovich, V. M. (2018). Towards a general theory of socio-economic development. Part 2. Evolution of coordination mechanisms. *Voprosy Ekonomiki*, 12, 77–102. DOI: 10.32609/0042–8736–2018–12–77–102 (In Russ.)
21. Zubarevich, N. V. (2019). Spatial development Strategy. Priorities and instruments. *Voprosy Ekonomiki*, 1, 135–145. DOI: 10.32609/0042–8736–2019–1-135–145. (In Russ.)
22. Dedkova, E. G. & Marushchak, K. I. (2018). Analysis of the current state and prospects for the development of non-resource exports in Russia. *Torgovo-ekonomicheskii zhurnal [Russian journal of retail management]*, 1, 28–36 (In Russ.)
23. Krasilnikova, E. A. & Nikishin A. F. (2018). Trends of exports double-digit growth: improvement of the structure or tasks of maintaining positive balance. *Rossiyskoe predprinimatelstvo [Russian journal of entrepreneurship]*, 19(11), 3525–3536. (In Russ.)
24. Gorlachev, M. Zh. (2016). Analysis of the commodity structure of Russian exports. *Novay nauka: ot idei k rezultatu [New science: From idea to result]*, 12(1), 88–90. (In Russ.)
25. Grebenkin, I. V. (2020). Trends in Industrial Specialization and Development Dynamics in the Russian Regions. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 16(1), 69–83. DOI: 10.17059/2020–1-6 (In Russ.)

Информация об авторах

Суслов Виктор Иванович — доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, заведующий лабораторией, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет; Scopus Author ID: 36118380200; <https://orcid.org/0000-0001-7972-9811> (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; ул. Пирогова, 2; e-mail: suslov@ieie.nsc.ru).

Ковалева Галина Даниловна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН; Scopus Author ID: 57202766282; <https://orcid.org/0000-0001-5041-4795> (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; e-mail: gdkov@ieie.nsc.ru).

About the authors

Victor I. Suslov — Dr. Sci. (Econ.), Corresponding Member of RAS, Professor, Chief of Laboratory, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of RAS, Novosibirsk State University; Scopus Author ID: 36118380200; Lavrenteva Ave., Novosibirsk, 630090; 2, Pirogova St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: suslov@ieie.nsc.ru).

Galina D. Kovaleva — Cand. Sci. (Econ.), Leading Research Associate, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of RAS; Scopus Author ID: 57202766282; <https://orcid.org/0000-0001-5041-4795> (17, Ak. Lavrenteva Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: gdkov@ieie.nsc.ru).

Дата поступления рукописи: 13.05.2021.

Прошла рецензирование: 21.06.2021.

Принято решение о публикации: 24.09.2021.

Received: 13 May 2021.

Reviewed: 21 Jun 2021.

Accepted: 24 Sep 2021.